

**КАТОРГА
И
ССЫЛКА**

**ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК**

№ 7

МОСКВА

1923

9(47):05
(05) 95. 1923. 57.

ОБЩЕСТВО БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Вл. Виленского (Сибирякова)

БИБЛИОТЕКА
Д. П. А.
Лен. Комит. ВКП(б)
№ _____

ПЕТРОГРАД
1923

~~БИБЛИОТЕКА
ДИСКУССИОННО-КЛУБА
№ 95.~~

*Дом Плеханова
№ 307*

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдел I. Из истории революционного движения.

- Л. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам.
Л. Федорченко (Н. Чаров). Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний.)
Н. А. Семашко. О детских годах Г. В. Плеханова.
Г. В. Плеханов. Конспект.
Б. Козьмин. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.
М. Ю. Ашенбреннер. Военно-революционная организация партии Народной Воли.
И. Минаев. Автобиография рабочего-революционера.
М. Русов. «Святая святых» царской охраны.
А. Д. Михайлов. К портрету С. Н. Богомолец.

Отдел II. Каторга, ссылка и тюрьма.

- В. Л. Виленский (Сибиряков). Последнее поколение Якутской ссылки.
А. Измайлович. Из прошлого.
А. Биденко. В Мальцевской женской каторжной тюрьме.
Ядов. Бутырки.
Львов-Марсианин. Паразит.
«Трудовая группа». Из архива В. Н. Фигнер.
Д. Старков. В Преображенку.

Отдел III. Лица отошедших.

- Я. Тов. Золотарев. Памяти тов. Фельдмана.
И. Жуковский-Жук. Памяти Н. Ф. Степанова.
Гидл. В. Д. Медем.
М. Галкин. Памяти тов. Васильева.

Отдел IV. Библиография.

- С. Пионтковский. По журналам. (Обзор исторических журналов за первую четверть 1923 года.)
По книгам: Проф. В. Н. Сторожев. Н. Бабахан. Советы 1905 года.
И. Бороздин. В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский 1828—1889 г. С. Пионтковский. Революция в Крыму. Я. Д. Б-м, Н. А. Бухбидер. Материалы по истории еврейского рабочего движения в России. В. Н. Сторожев. Декабрист. М. С. Лунии.— Проф. В. Бочкарев. Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле. В. Н. Сторожев. А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. Б. Горев. Материалы для биографического словаря соц.-дем. В. Алексеев. В. А. Поссе. Воспоминания. Н. Головина. Станислав Бржозовский. Зарево. Б. Козьмин. Библиография периодики.
Хроника общества б. политкаторжан.

Г. В. Плеханов.

(Из воспоминаний 1902 — 1904 г.г.)

Хотя в это время центр притяжения уже начал перемещаться для практиков с.-демократии в России с Плеханова на Ленина, статьи которого в «Искре» и особенно выпущенная им знаменитая брошюра «Что делать» ярко освещали перед русскими тогдашними товарищами организационный путь строительства молодой партии, еще барахтавшейся в лохмотьях «рабоче-деленских» предрассудков и всякого рода других «хвостистских» переживаниях, но, тем не менее, для меня имя Г. В. Плеханова, автора «Наших разногласий» и «К вопросу о монистическом взгляде на историю», отца русского теоретического марксизма, основателя группы «Освобождения Труда», служило и продолжало служить надежной вехой, освещавшей трудный и тернистый путь революционной борьбы в России. И потому понятно, когда я по воле царского правительства принужден был скрыться от ожидавшего меня ареста за границу, а это было в мае 1902 г., то первой мыслью моей было непременно увидеть и говорить с Г. В. Плехановым, которого я еще на гимназической скамье знал по статьям случайно попадавшего к нам заграничного журнала «Социал-Демократ», сыгравшего решающую роль в моем умственном развитии и в определении социальных симпатий и антипатий. Но, попав в Женеву, я на первых порах принужден был поселиться в помещении типографии умиравшего уже тогда журнала «Рабочее Дело», 12 № которого незадолго перед тем вышел в свет. Заведывал типографией этого журнала мой старый приятель и товарищ по ссылке А. А. Машицкий, ныне еще здравствующий и находящийся теперь в Коммунистической партии. В типографию часто заходили покойный В. П. Махновец (Акимов), один из ярых вдохновителей рабочеделенства, Биск, Лохов и, наконец, А. С. Мартынов. Само собою разумеется, что атмосфера была неблагоприятная для «Искры» и всех ее руководителей, в особенности же по отношению к Г. В. Плеханову, который, напр., в глазах Акимова являлся «изменником» идеям заграничного комитета «Союза

русских социал-демократов», а для некоторых из перечисленных «рабочеделенцев» и неискренним политиком, хитрым, «себе на уме». Так говорили они, что Плеханов в душе тайно разделяет оппортунизм рабочеделенцев и совсем чужд идей ленинизма и искризма. В представлении рабочеделенцев Г. В. Плеханов был принижен до самого обычного рядового человека.

Мне было больно слушать такие характеристики из уст рабочеделенской компании.

Справедливость требует отметить, что мой старый товарищ А. А. Машицкий, который работал до того в организации «Южного Рабочего» в Екатеринославе, совсем иначе относился к Г. В. Плеханову и был всегда на моей стороне в разговорах моих об «Искре» и Плеханове с рабочеделенцами.

Я хорошо понимал, что Акимов и другие члены организации желали бы заполучить себе нового человека в моем лице, хотя они и знали, что я приехал из России, где был основателем небольшой группы «Искры» на Сев. Кавказе.

Так же точно они охаживали всякого случайно попадавшего к ним нового приезжего из России человека. Так было с Драбкиным (с Гусевым), Мих. Назарьевым и целым рядом лиц, приехавших почти одновременно со мною в Женеву.

Но, увы, время, размах и характер рабочего движения в России, принимавшего уже в то время ярко политический оттенок, были против них.

Я в числе других, прибывавших из России, после небольших колебаний, скоро и решительно отмежевался от них, тем более, что видел их симпатии к нарастающему тогда террористическому движению социалистов-революционеров.

Вскоре я перебрался на частную квартиру и начал искать какого-нибудь заработка, так как мои средства приходили к концу.

На почве этого мне пришлось забрести в редакцию журнала «Жизнь», издававшегося и руководимого В. А. Поссе. Здесь я встретился с покойным В. А. Муриновым и В. Д. Бонч-Бруевичем, принимавшим тогда самое близкое участие в редакции журнала «Жизнь». «Жизнь» уже тогда чахла не по дням, а по часам; готовилась к выходу последняя книжка (6-я) «Жизни». Средства издателя Г. А. Куклина, теперь уже покойного, были на исходе, а из России не приходило средств на издание журнала. В общем и здесь, в стенах редакции журнала, царил атмосфера разложения. Но важно было для меня то, что В. Д. Бонч-Бруевич оказался хорошим знакомым Г. В. Плеханова и мог меня с ним познакомить.

Никогда не забуду того вечера, когда я с Бонч-Бруевичем и В. М. Величкиной, ныне покойной, входил в квартиру Г. В. Плеханова, жившего неизменно целый ряд лет в Женеве в одном

и том же доме по rue de Candolle, в д. № 6. Какое-то особенное чувство тревоги и радости охватило меня, когда я жал руку отца революционного марксизма, которому, как и многие представители моего поколения, был столь обязан в своем умственном и политическом развитии.

Никогда не забуду этого памятного вечера.

В. Г. Плеханов, вопреки Кассандрам из «Рабочего Дела», сразу привлек мою душу к себе, несмотря на то, что разговор в этот вечер не выходил за пределы общих литературно-политических вопросов. Но блеск и остроумие, фонтаном живых искр бившиеся в различного рода замечаниях Г. В. Плеханова, сразу изобличали в нем талантливейшего полемиста «Наших разногласий» и «К вопросу о монистическом взгляде на историю». Помню, уже в передней, когда он провожал нас в конце вечера, почти на лестнице, с присутствием только одному ему юмором, он рассказывал нам, как к нему на-днях в квартиру заявила одна расфуфыренная, раскрашенная и надушенная русская дама и преподнесла ему «в знак любви и уважения» полное собрание своих сочинений. «И что же бы вы думали, — сказал Г. В. Плеханов, — кто сия дама? Представьте себе, «известная» А. А. Вербицкая».

Как потом оказалось, многие русские журналисты и писатели, бывавшие в Женеве, считали почему-то своим долгом посетить Г. В. Плеханова и преподнести ему что-нибудь из своих произведений.

После этой первой встречи с Плехановым мне приходилось часто посещать его дом, и с каждым новым посещением я привязывался душой к этому необыкновенному человеку, блестящий ум которого на-ряду с его подавляющей эрудицией заставляли присутствующих и окружающих всегда подыматься духовно выше и выше.

Конечно, бывали случаи, что в открытый для всех русских дом Плеханова заходили люди вроде Вербицкой или, еще хуже, вроде какого-нибудь шпики под маской социал-демократа, но это нисколько не нарушало гармонии духовных интересов, царивших вокруг Г. В. Плеханова в его гостеприимном доме.

У Плеханова в доме я часто встречал маститого ветерана революции Веру Ивановну Засулич, Л. Г. Дейча, П. Б. Аксельрода, кажется, раза два В. И. Ленина, А. Н. Потресова, Ю. О. Мартова, Л. И. Аксельрод (Ортодокс), гостившую у Плеханова.

Помню, с каким интересом всегда Г. В. Плеханов расспрашивал у рабочих особенно о всех мельчайших деталях и перспективах рабочего движения в России.

В это время вместе со мною Плеханова часто посещал т. Амвросий, рабочий из Ростова на Дону, теперь уже умерший, тогда бывший одним из руководителей знаменитой стачки-

демонстрации в Ростове на Дону на-ряду с И. И. Ставским, И. П. Брагиным, Драбкиным и друг.

Фамилия его настоящая, помню, была Мочалов.

Кроме того, часто встречал там покойного Н. Э. Баумана. Как-то так всегда выходило, что Г. В. Плеханов двумя-тремя словами умел всегда всех собеседников навести на нужный и интересный для него разговор.

Время тогда (1902 — 1904 г.г.) было очень горячее, и большинство вопросов вертелось всегда на происходившей на глазах дифференциации политических партий.

Появилось в Штутгарте «Освобождение» П. Струве, «Революционная Россия», орган с.-р. в Женеве, возникла группа так называемых революционных социалистов вокруг сборников «Свобода», редактировавшихся и единолично составлявшихся Н. И. Надеждиным (Зеленским), теперь уже давно умершим, и, наконец, целый ряд листовок и изданий анархических, толстовских и других оппозиционных групп.

Жизнь в эмиграции забила живым ключом.

Хлынула волна новых эмигрантов, интеллигентов и рабочих.

Партийное самоопределение было в полном ходу, потому понятно, какая масса вопросов подымалась тогда в доме Плеханова.

Невидимыми духовно-революционными нитями сам Г. В. Плеханов, стосковавшийся в постоянном эмигрантском сидении, был соединен тогда с революционной рабочей Россией. Всякое новое событие в России заставляло его быть на чеку и быть настраже революционного марксизма, и он нередко делился с посещавшими его теми или иными темами своих ближайших статей в «Искре», а также в теоретическом журнале «Заря», просил приехавших из России, с поля битвы, писать свои впечатления в «Искру».

Помню, по его просьбе я написал первый свой фельетон «Убийство Сипягина в провинции», в котором поделился своими впечатлениями об этом событии с точки зрения социал-демократа. Фельетон был напечатан, кажется, в № 30 или 37 «Искры» за подписью А. Светлов. И в дальнейшем я давал заметки и корреспонденции из России в «Искру», которые проходили через руки Плеханова. Наконец, я написал два фельетона под заглавием «Рабочий бунтует», в которых были заключены кусочки истории рабочего движения в России и влияния в нем плехановских идей.

Оба фельетона понравились Г. В. Плеханову.

Интересно отметить здесь, что он был большой противник интеллигентской правки рабочих корреспонденций в смысле придания им характера лощености. «Нужно сохранить, — говорил он мне, — индивидуальное лицо рабочего». У рабочих есть замечательные типичные выражения, какие не передать ни на каком

интеллигентском языке. Я, по поручению Г. В. Плеханова, одно время правил корреспонденции в «Искре», какие попадали к нему в руки по тем или другим обстоятельствам. Это было в начале 1903 г., если память мне не изменяет.

Особенно в это время его занимала мысль о борьбе с выроставшим эсеровским течением.

Он в это время читал рефераты, писал в «Искре» об эсерах и черновщине, правильно и метко характеризуя эсеров, как социалистов — реакционеров, угрожавших тогда своими по виду архиреволюционными методами единоличного террора сбить с толку наиболее отсталые слои рабочего класса в России и внести сумятицу и путаницу в ясность классовых отношений. Стоя на славном посту революционного марксизма, Г. В. Плеханов очень тонко подмечал все малейшие отклонения от ортодоксального марксизма, беспощадно бичуя их и вскрывая их буржуазно-оппортунистическую сущность не только у нас, но и в западно-европейском рабочем движении.

Между прочим, любопытно здесь отметить, что Г. В. Плеханов, лично хорошо знавший Эд. Бернштейна, был очень невысокого мнения об уме его. Так он рассказывал, как в бытность Бернштейна в Цюрихе, в начале 80-х годов в изгнании, он по поручению Фр. Энгельса должен был написать одно исследование, в котором он должен был доказать зависимость религиозных верований от экономического развития Англии начала XIX века. «И что же, — смеясь, говорил Г. В. Плеханов, — Эд. Бернштейн не мог справиться с этой задачей удовлетворительно». Философия диалектического материализма уже тогда, когда Эд. Бернштейн был ортодоксальным марксистом, была ему не по плечу. Он ее не понимал или, если и понимал, то только формально, но не по духу, не по существу.

Отголоски бернштейнианства, какие Плеханов видел в рабочеделенских организациях того времени, его особенно не пугали, ибо они обязаны были, по его словам, своим существованием в значительной, конечно, степени путанности голов такой интеллигенции, как Акимов и другие, но не могли соблазнить сколько-нибудь сознательных рабочих. «Но, — говорил Г. В. Плеханов, — против всякого рода оппортунизма, в том числе и бернштейнианства, необходима самая серьезная борьба».

Возникшая с конца 1900 г. «Искра», а также и журнал «Заря», по мысли Плеханова, должны были в первую голову бороться за чистоту рабочей партии в России. «Напрасно могут думать некоторые, — говорил Г. В., — что у рабочего класса один враг: буржуазия и ее правительство. Ничего подобного, враг в дружеской шкуре может принести рабочему классу неисчислимый вред». Вот почему, по мнению Плеханова, всякий марксист должен

помнить, что он окружен не только явными, но и тайными врагами.

Эти мысли свои Г. В. Плеханов не редко развивал перед молодыми своими посетителями.

Из всех европейских социалистов того времени Г. В. Плеханов с особенным уважением относился к Карлу Каутскому, Ж. Геду, Полю Лафаргу и А. Бебелю; Жореса он не любил. Также особенной симпатии не обнаруживал к Вандервельде.

Но кого Г. В. особенно не жаловал, так это анархистов. Он тогда их считал объективно действующими на руку европейской реакции, а русских анархистов вроде жившей тогда в Женеве группы Гогелио, Церетелли и комп. иронически вышучивал и называл их «кавказскими лошадьми». Правда, за это и они платили Г. В. Плеханову соответственной монетой и нередко на всех митингах, где выступал тогда Плеханов, старались устраивать ему всякого рода обструкцию. Раз, помню, испортили электричество во время лекции Г. В., другой раз не пропускали никого в зал, где должен был выступить Г. В. в качестве лектора. Едкий язычок Г. В. был не по нутру «темпераментным» кавказским анархистам.

С такими же чувствами относились и другие партии в Женеве к Плеханову и, если и не прибегали к методам кавказских анархистов, так исключительно за отсутствием у них соответствующего темперамента. Но Г. В. Плеханов на выходки своих противников только отшучивался и после всех выступлений против него с неподражаемым юмором рассказывал об этом. Вот уж по истине, вопреки народной поговорке, язык у него был не враг его. Все противники его в Женеве, как и в легальной русской публицистической литературе, испытали в равной степени всю силу сарказма, летевшего с острого, как бритва, его языка.

При все большем и большем личном знакомстве с Г. В. Плехановым, образ его, привезенный мной из России, не тускнел, но все ярче и ярче горел в моем сознании. Я только теперь оценил как следует, чему было обязано начавшее тогда широкой волной разливаться в России рабочее движение, не говоря о значении Г. В. Плеханова в том огромном историческом повороте русской интеллигентной общественной мысли в России, какой произошел в конце 80-х и начале 90-х годов.

Личное близкое соприкосновение с Г. В. Плехановым только оживило во мне и еще более укрепило те марксистские идеи, которые, благодаря книгам и брошюрам Плеханова, стали с ранних лет мне близкими и родными.

В самом деле, перебирая тогда весь свой умственный и духовный багаж, какой был собран мною с таким трудом в обстановке царской России, я все больше убеждался, что Карл Маркс и

Энгельс были нами усвоены в юношескую пору в первую половину 90-х годов так, как преломлялись они в плехановском толковании. Но Плеханов был не только талантливейший толкователь, но и продолжатель Маркса и Энгельса.

До сих пор, несмотря на то, что со смерти Г. В. Плеханова прошло уже пять лет, это последнее мое утверждение нигде не находит отклика. Только, кажется, у В. А. Базарова в его некрологе о Плеханове, напечатанном вскоре после смерти Плеханова, брошена была вскользь эта мысль, что Г. В. Плеханов был в теоретико-философском смысле не только толкователь, но и продолжатель Карла Маркса и Фр. Энгельса, что того же нельзя сказать ни об одном марксисте, не только у нас, но и в Западной Европе.

Г. В. Плеханов, продолжая дело, начатое Марксом и Энгельсом в области теории познания марксизма, прекрасно усвоил себе дух марксо-энгелевской диалектики. Эти мысли Плеханова рассыпаны во всех тех его статьях, где он полемизирует с эмпириомонистами и эмпириокритицистами, со всеми разновидностями идеализма, хотя бы и под колпаком Маха и Авенариуса. И вообще нужно сказать, что понимание диалектического материализма Г. В. Плехановым, как я убеждался при личных неоднократных беседах с ним, было, конечно, далеко от того упрощенного взгляда на теорию, какой существовал тогда у многих практиков в России.

Особенно Г. В. Плеханов любил беседовать на философские темы марксизма с Л. И. Аксельрод (Ортодокс), с которой его связывала долготелная дружба, основанная на взаимных влечениях философской мысли.

О таланте Л. И. Аксельрод (Ортодокс) Г. В. был очень высокого мнения и при личных встречах с ней всегда настойчиво просил ее писать и писать как можно больше не только для «Искры» и «Зари», но и для легальных журналов, издававшихся в России. Кажется, до этого времени Л. И. Аксельрод чуть ли не единственный раз напечатала свою статью в «Научном Обзрении» за 1900 г., не считая, конечно, «Искры» и «Зари», где она принимала ближайшее участие.

Покойный Г. В. Плеханов был удивительно дисциплинированный человек и в этом отношении мог стать смело образцом для других русских и в том числе для таких своих ближайших товарищей по редакции «Искры», как Ю. О. Мартов и др., у которых именно не доставало дисциплины ума и характера. Даже В. И. Засулич не могла ничего позаимствовать в этом отношении у Г. В. Плеханова, несмотря на близкое соприкосновение с ним почти во всю свою вторую половину жизни, когда она жила в эмиграции. Между тем, у Плеханова, несмотря на то, что его постоянно влекло к людям, дисциплина сквозила во всем строе и складе его жизни. У него ни одной минуты в дне не проходило даром. День был

у него строго распланирован, и каждый час был непременно наполнен определенным содержанием. Даже отдых после обеда у него никогда, если он был здоров, не был посвящен лежанию на кровати. В послеобеденное время Г. В. Плеханова можно было видеть шагающим по аллеям университетского скверика, находившегося против его квартиры, и читающим на ходу какую-нибудь беллетристику, преимущественно на французском языке. Любимым чтением Г. В. был в эти часы Мопассан либо Э. Золя. Экономия времени, которую так любил Плеханов и которая была положена в основу между прочим и его сношений с людьми, проистекая из представления его о жизни, как раз данной нам и именно для всестороннего ее использования в целях как можно большей полноты. Вот почему Г. В. не любил «якшаться» по кафе и ресторанам «с публикой», что было в обычае российского интеллигента, не любил длинных разговоров на темы о том и о сем, считая их скучными и никчемными, и избегал людей, которые отнимали у него дорогое время для так называемых разговоров «по душам». Во всем он любил краткость, ясность и определенность. Расхлябанность российского интеллигента и его «исповеди» tête à tête всегда выводили его из себя, а многих эта черта характера Г. В. отшатаывала от него, чему, впрочем, он был всегда несказанно рад. Всякие витиеватые речи своих собеседников Г. В. превращал часто в шутку. «Заумные» разговоры, которые с ним любили вести его собеседники, во что бы то ни стало памятуя, что они говорят с Плехановым, его настраивали всегда на иронический лад, ибо Плеханов обладал завидной чертой с двух-трех слов угадывать психическую консистенцию своего собеседника.

Но иначе держался Г. В. Плеханов с теми, которые на его взгляд действительно были преданы тому делу или вопросу, которые они возбуждали в разговорах с ним. Здесь Г. В. Плеханов открывался собеседнику и давал массу нового, сравнительно даже с тем, что давал он в своих статьях. Сколько минут истинного наслаждения он дарил в таких беседах.

К старым эмигрантам, которых в Швейцарии в то время было очень много, различного рода бывшим землевольцам, народовольцам, он почти сплошь относился скептически, считая их людьми конченными, в полной мере интеллигентами, живущими старыми политическими предрассудками, и говорил часто, что они могут, пожалуй, быть в партии эсеров, но и только. «Бундистов» тогдашних он считал идеологами не пролетариата, но ремесленничества, и их тогдашние симпатии к «Рабочему Делу» казались ему вполне естественными и понятными. «Рыбак рыбака видит издалека», — смеясь, говорил по этому поводу Г. В. Плеханов.

Что же касается позиции Ленина в его книжке «Что делать», сыгравшей такую огромную роль в подготовке к историческому

2-му съезду партии, то Г. В. Плеханов, хотя и разделял основную точку зрения его на организационные вопросы, все же не солидаризировался с взглядом Ленина относительно стихийного рабочего движения и его отношения к социализму. «Здесь,—говорил мне Г. В.,—Владимир Ильич в полемике с рабочеделенцами перегнул палку в противоположный конец». В этом смысле был прав А. С. Мартынов, говоривший мне, что Г. В. Плеханов не согласится с выраженным в книжке «Что делать» Лениным взглядом на отношение стихийного движения к социализму. Но только и было у Плеханова в этом пункте с тогдашним Лениным небольшое расхождение. По всем остальным вопросам Плеханов безусловно тогда солидаризировался с Лениным в области партийной практики. Ю. О. Мартова Г. В. Плеханов считал талантливым публицистом, но не ставил рядом с Лениным, зная об оказываемом последним влиянии на Мартова. Так обстояло дело тогда, когда еще никто не думал о расколе партии, который, между тем, верно и неуклонно, хотя еще и неуловимо, назревал, помимо воли и сознания, где-то в недрах партии. Может быть, это чувствовал уже тогда Г. В. Плеханов, но об этом он никогда не высказывался. Он охотно говорил об отношениях к партии эсеров и об очередной задаче партии борьбы с ними на идеологическом особенно фронте. Этому вопросу он посвятил ряд своих докладов и лекций, в которых осветил реакционную мелко-буржуазную сущность новой тогда партии эсеров с Черновым, Гоцом и Минором во главе. Его лекции, касавшиеся разных сторон программы и тактики партии эсеров, были верхом блеска и социально-философской глубины и непосредственным результатом своим в Женеве имели то, что большая часть учащейся молодежи русской, находившейся тогда здесь, окончательно перешла к «искровцам». После лекций Г. В. Плеханова возникла масса кружков «искровцев», и даже, помню, после одной лекции Плеханова, где он совершенно избег полемики с эсерами, но оперировал исключительно научной аргументацией, подошли ко мне присутствовавшие на лекции Минор и Брешко-Брешковская и сказали: «Таким Плеханова мы никогда не слышали». А другие эсеры в этот вечер были, напротив, очень недовольны тем, что Плеханов лишил их повода жаловаться на его «грубость и несправедливость». Даже «знаменитый» Кузьма Ляхоцкий, старый эмигрант, сказал мне в тот вечер: «Таким Плеханова мы не слышали уже 20 лет».

Но, несмотря на это, плехановская критика эсеровщины была уничтожающей по существу и не оставляла, конечно, камня на камне от хитроумного изобретения В. Чернова и др. Петр Струве с его «Освобождением» меньше беспокоили Плеханова. «Здесь дело очевидное, ничего не подкрашено, не подмалевано, все без сантиментов преподносится,—говорил Г. В. Плеханов,—необ-

ходимо только мешать буржуазии брать тон гегемона в начавшемся освободительном движении, неизбежно идущем к революции, а для этого у нас, социал-демократов, есть много средств и способов».

Раскол на втором съезде партии в Лондоне застал Г. В. Плеханова, повидимому, врасплох, ибо он хотя, может быть, задумывался над теми оттенками мысли, какие обнаруживались между отдельными членами редакции «Искры», но не придавал им особенного значения. Наоборот, незадолго до съезда, когда Г. В. приехал из Женевы в деревню Шаи, возле Кларана, чтобы отдохнуть с нами вместе несколько дней на лоне прекрасного лазурного Женевского озера, то он говорил, что предстоящий съезд должен объединить вокруг платформы, выставленной «Искрой», все течения внутри партии и впитать в себя таких полезных членов из «Рабочего Дела», как А. С. Мартынов, которому, по мнению Плеханова, только личная обида на Ленина за характер его полемики в «Что делать» мешает вступить в организацию «Искры». Между прочим, в описываемое время с нами находился и А. С. Мартынов, который вел длинные беседы с Плехановым и настолько чувствовал себя, несмотря на свое «рабочеделенство», близким к Плеханову, что в один прекрасный день снялся со всеми нами с Плехановым во главе на одной фотографической карточке. Г. В. Плеханов, отдыхая на лоне природы, время от времени отправлялся с нами в Лозанну, где устраивал свои очень популярные лекции по искусству, которое очень основательно изучал в последние годы до встречи моей с ним. Каждое лето, в течение последних годов, Г. В. Плеханов непременно отправлялся куда-нибудь в Италию, Германию, Англию или Францию и там изучал художественные галереи, очень тщательно обозревая мастеров не только современной живописи, но и особенно старых классических школ. Все это он делал, не просто интересуясь живописью, но имея в виду, главным образом, дать образец обоснования искусства, в частности живописи, с точки зрения материалистического понимания истории, как это он делал во всех областях человеческой идеологии и в самом деле, и в области критики его замечательные статьи о Белинском, Некрасове, Глебе Успенском, Наумове, Каронине - Петропавловском для марксиста - критика являются образцами и имеют огромное воспитательное значение для всего пролетариата. Лекции по искусству, которые тогда читал Г. В. Плеханов, являются также классическими марксистскими образцами, в своем роде шедевром.

Во время своего отдыха Г. В. Плеханов, карабкаясь вместе с нами по горам вокруг Женевского озера, рассказывал нам много из своей прошлой революционной деятельности в качестве землевольца в России в конце 70-х годов, попутно рисуя яркими неза-

бываемыми штрихами целую галерею образов революционеров прошлого. Как живые, вставали в его мастерских художественных отображениях фигуры А. Желябова, П. Кропоткина, Софьи Перовской, А. Михайлова, Веры Фигнер, Г. Лопатина, Кравчинского, с которым, между прочим, его связывали узы теплой дружбы до дня смерти последнего, происшедшей в 1895 году в Лондоне. В пансионе В. Степняк, жены Кравчинского, воспитывалась в Лондоне, между прочим, одна из дочерей Г. В. Плеханова. Кажется, дружба со Степняком была единственной у Плеханова оставшейся ненарушенной и после перехода его в социал-демократизм. С остальными товарищами, как известно, Г. В. порвал все связи, как только были опубликованы его «Наши разногласия». Про старую эмиграцию и в том числе и о Петре Лаврове, Ткачеве, также много интересного и нового пересказал нам Г. В. в эти немногие вечера своего отдыха. И эти его рассказы были настоящими блестящими характеристиками ушедших революционных поколений. «Вот бы вам, Г. В., — сказал я ему тогда, — все это записать, ведь это же ценнейшие были бы мемуары», в ответ на что Г. В. ответил мне: «Придет время, когда я надену туфли и халат, тогда и засяду за свои блестящим, обладавшим даром художественного перевоплощения в то, что он рассказывал. Нельзя было не убеждаться в правильности того, о чем он рассказывал. На этой почве он любил тогда в шутку мистифицировать своих друзей. Жертвой его мистификации часто бывала, несмотря на всю ее серьезность, Вера Ивановна Засулич. Но для Веры Ивановны, молившейся на Г. В., было законом все, что исходило из уст Плеханова. Такой же жертвой однажды у нас в Шай пал и А. С. Мартынов.

Обаятельный образ Г. В., «учителя» всех русских марксистов, при близком соприкосновении еще более привлекал к себе окружающих его.

Соединение в одном лице старого революционного борца с блестящим теоретиком не часто встречается в истории, а таким был Г. В. Плеханов, всю жизнь свою ковавший пролетариату острое орудие борьбы со старым буржуазно-капиталистическим миром.

Когда наступило время съезда, Плеханов уехал сначала в Брюссель, а затем в Лондон, где, как известно, он вначале примкнул к «большевикам».

После съезда, по приезде в Женеву, я часто встречался с Г. В. Плехановым в сборищах, которые были организованы Владимиром Ильичем Лениным в одном кафе и на которых последний выяснил позиции меньшевиков и большевиков и возможные перспективы происшедших на съезде разногласий. На этих собраниях бывали,

кроме того, товарищ Игнат (Красиков), покойные Н. Бауман, В. Воровской (тов. Шварц), Драбкин, кажется, тов. Батурин, Литвинов (Валах) и другие. Г. В. Плеханов в эти дни производил впечатление человека, который еще надеялся на возможность улаживания происшедшего на съезде конфликта в процессе практической революционной работы. Да он и высказывался в этом смысле мне, вскоре после окончания съезда. Повидимому, зарождавшийся оппортунизм меньшевиков ему не был еще ясен в то время так же, как он был ясен В. Ленину.

Л. С. Федорченко (Н. Чаров).